

В. И. Боршевич

Феноменология Клейна

Экзистенциальные вопросы

Ставь вопрос как вопрос.

Л.К.

О книге «Трудно быть Клейном» писать так же трудно, как трудно писать об эпосе, в котором о его главном герое говорят не только голоса его современников, не только голоса персонажей давно ушедших эпох, но и собственный голос героя, в чеканном и колючем ритме которого едва пробивается на клокочущую поверхность его поразительных выводов и сентенций какая-то глубинная печаль в сопровождении еле слышных обертонов неутолимой тоски по Несбывшемуся.

Это эпос-пророчество, эпос-откровение. Пророчество, обращенное в прошлое, и откровение, устремленное в будущее.

Основная проблема этой величественной во всех отношениях книги заключается в очень простом, и потому трудно разрешимом вопросе: «А почему, собственно говоря, трудно быть Клейном?» И на кой ляд, и с какой стати им нужно быть? И кому, в конце концов, им нужно быть? Да и кто он такой, этот Клейн, чтобы им нужно было быть?

Вопросы такого рода на философском жаргоне принято называть «экзистенциальными», поскольку их смысловым ядром является понятие «бытие», т.е. «экзистенция». Но мы не будем голосить на этом жаргоне, потому что иначе мы лишь усугубим и без того поразительную разноголосицу этой удивительной во всех отношениях Книги — невероятно умной, невероятно документированной и потрясающе пронзительной.

Но на этот основной вопрос, вернее, на эту будоражающую душу констелляцию вопросов, надо попытаться дать хоть какие-то ответы. И я для себя попытался это сделать. «Для себя» — в тайной надежде, что и для других.

Стратегема Эрлиха

Всякое открытие — это для кого-то закрытие.

Л.К.

Самый простой ответ вытекал из логики хитроумного бессарабца Сергея Эрлиха, этого многомудрого искусителя, вопрошателя и издателя этой во всех отношениях потрясающей книги. Честь ему и хвала, подбившему своего великого Учителя на сотворение себе на утешение и людям в поучение этого нерукотворного памятника при его жизни (а когда же ещё?) и приложившего всю свою недюжинную страсть и неукротимую энергию для проведения в жизнь этого неординарного «проекта» (как модно ныне говорить в нашу неверную эпоху неуловимых «грантов» и ускользающих «спонсоров»).

А логика эта такова. Да, Клейн возвышается над миром «яйцеголовой» ученой братии подобно тому, как скала Гибралтар древних финикийцев (создателей прадедушки всех европейских алфавитов) возвышается над беспоконными волнами одноименного пролива. И чем глубже он вкапывался в недра научных проблем, тем выше становилась гора впечатляющих результатов и тем больше становилось беспокойство вождей «яйцеголовых».

А раз так, то наверняка (по логике Эрлиха) Льву Самуиловичу непросто было достичь таких общепризнанных высот человеческого духа и интеллекта и, тем более, удержаться на этих высотах в условиях удручающего физического и символического соблазна и насилия со стороны своего ближнего и дальнего окружения и, особенно, со стороны некой многоликой и коварной Системы. То есть, получалось, что название этой книги относилось не к вопрошанию и ответам на поставленные перед сердцем читателя вопросы, а к выявлению и регистрации того воистину

впечатляющего списка трудностей, с которыми постоянно сталкивался и которые столь же постоянно и победоносно преодолевал его любимый герой.

Иначе говоря, нашего дорогого издателя (а Сергей, мой неукротимый молдавский земляк, мне на самом деле очень дорог) волнует в большей степени «пропповская» схема волшебной сказки о том, как наш бесстрашный герой одерживает нескончаемую цепь многотрудных побед над различными зловредными ипостасями и коварными перевоплощениями этой всеприсутствующей ужасной и стоглазой Системы, нежели сопутствующая ей невидимая борьба духа против собственных маний и фобий, против всемогущей Судьбы.

В логике Эрлиха моё столь же неукротимое сопротивление вызывало следующее обстоятельство: вся эта цепь побед представлялась им, по сути дела, как некий источник тайного удовольствия от вкушения постоянных поражений и унижений этой самой подлой, смертоносной и злоторвающей Системы. Получалось, что нашего издателя больше устраивала книга «Трудно быть Клейном» в качестве некоего варианта «пропповского вестерна», напичканного всяческими неизвестными, но жутко интересными и (не побоимся этих слов) сенсационными обстоятельствами и фрейдовскими мотивами.

Однако в логике Эрлиха получалось, что главное побитие и унижение этой ненавистной антисемитской Системы заключалось в получении в рамках этой же Системы соответствующего престижного статуса и всеобщего признания. Именно так и, в первую очередь, так.

Но я так не думаю. И вот почему.

Улисс: феноменология как мифология

*Взвешивай «за» и «против»
на одних весах.*

Л. К.

Если бы Клейн с первых же сражений и в таком смысле победил бы эту inferнальную Систему, то он никогда не стал бы Клейном. Он стал бы одним из многочисленных рыбаковых и минцев, этих хищных лысенок среди инфузорий в океане гуманитарного наукообразия. А это бы означало, что повода для написания самой книги «Трудно быть Клейном» не было бы никогда. И не по причине того, что столь бы быстро и некстати для нашего издателя оборвалась бы эта нескончаемая череда столь волнующих побед нашего

культурного и культового героя, а потому, что человек Клейн перестал бы быть Клейном-легендой, Клейном-феноменом.

И поэтому я совсем не случайно употребил слово «феноменология» в названии своей отчаянной письменной попытки разобраться в будоражающей всех тайне этого во всех отношениях неординарного человека. Человека, давшего для меня лично имя особой, неистребимой и могучей феноменологии человеческого духа, воспетого впервые в великом гомеровском эпосе.

Это современный смертный Улисс, находящийся в постоянном единоборстве с бессмертной и многоликой Системой человеческого невежества, злорадства и насилия за право обретения своей постоянно удаляющейся от него Итаки, на которой его преданно ожидает столь прекрасная и столь желанная для него тень Несбывшегося. Это эпическая экспозиция феноменологии духа, пребывающего в непрекращающейся борьбе с предписанной богами Судьбой и собственными Эриниями за право иметь достойную человека личную историю, это постоянная попытка «сохранить лицо» перед ликами своих далеких предков и своим отражением в зеркале перемен.

Клейн

*Учёному нужен талант,
во-вторых,
и мужество — во-первых.
Л. К.*

«Послужной» список деяний и достижений Льва Самуиловича Клейна столь же велик и впечатляющ, как и его список жизненных перипетий, сражений и побед в постоянном противостоянии драконовской Системе, утвердившейся не только в командно-административном кафкианском Замке, но и в ее многочисленных шварццевских метаморфозах и метастазах в черепных резиденциях его современников, а главное, в его собственной голове. Даже в черепах тех, кто поселился за колючей проволокой в прилежащей к этому Замку лагерной Зоне, куда нашего героя швырнули агенты этой Системы в надежде, что уж это самое страшное ее творение, Зона, наверняка сломает и опустит нашего неутомимого и неукротимого героя. Но, к их ужасу, даже эта inferнальная уголовная Зона вынесла своей матери Системе суровый вердикт: «Невиновен».

Лев Самуилович Клейн является автором нескольких сот статей и десятков книг,

изданных на различных языках, произведений мирового значения в области археологии и культурологии, истории и филологии, методологии и философии, повлиявших на формирование не одного поколения отечественных и зарубежных ученых и исследователей. Этот удивительный мыслитель и педагог, человек выдающегося личного мужества и феноменального интеллекта выступил с блестящими докладами и курсами лекций в 11 университетах Англии и в 5 университетах Испании, в 4 шведских, в 2 норвежских и в 2 датских университетах, а также в университетах Вены, Западного Берлина, Финляндии, Словакии, в университете Джорджа Вашингтона в США, в университете Санкт-Петербурга и даже в одном из университетов Молдовы (о чем и пойдет речь ниже).

Но обо всем этом я понятия не имел, когда однажды, ровно десять лет тому назад, в очередной раз заглянул к своему товарищу Марку Ткачуку в кишиневскую Высшую антропологическую школу (ВАШ). Заглянул в надежде в очередной раз пообщаться и укрепить свой дух в общении с ним и его неординарными соратниками, которых осколки старой советской Системы в лице лицедеев (простите за невольный каламбур!) новой «суверенной» командно-административной Системы Молдовы безуспешно пытались опустить и маргинализировать, «вышибив» их в качестве неконформистов и «смутьянов» за порог национальной университетской и академической Системы. Ибо старая Система конформистов распалась после развала СССР на множество своих живучих национальных и националистических ипостасей и с еще большим усердием принялась за свое привычное и жизнеобеспечивающее занятие — искоренение «инакомыслящих», «инородцев» и «инокультурных».

И тогда Марк совершил невероятное — с пятьюстами долларов в кармане и вместе с тогдашним депутатом Парламента Молдовы мудрейшим Лешей Тулбуре основал и «поставил на ноги» этот самый университет ВАШ — надежный рефугиум для всех археологов и историков страны, не сподобившихся найти общий язык с мстительными и ограниченными наследниками старой тоталитарной Системы в ее новейших «либерально-демократических» модификациях.

В помещении, где я нашел постоянно деятельного и пассионарного Марка, находился неизвестный мне человек сурового интеллигентного вида в очках, небольшого роста, подтянутый и сосредоточенный. Я почувствовал, как по моему лицу и телу мгновенно

проскользнул «рентгеновский луч его ментального сканера», после чего неизвестный успокоился, потерял ко мне всякий интерес, и его лицо снова приняло спокойное и слегка отсутствующее выражение.

Марк представил нас друг другу в своем постоянном стремлении объединять своих знакомых и близких ему людей, в стремлении столь же благородном, сколь и недостижимом. Из его представления следовало, что присутствие Клейна в Кишиневе объяснялось теми же движущими причинами — Марк воспользовался редкой возможностью пригласить своего великого Учителя для чтения уникального курса лекций своим студентам и преподавателям.

Вначале наша неспешная беседа шла по двум отдельным линиям коммуникаций: «Марк — Клейн» и «Марк — я», при этом каждый раз тот, кто оказывался «третьим», вежливо и упорно отказывался включаться в эту вяло текущую и странную поочередную двустороннюю коммуникацию.

Однако неугомонный Марк все-таки нащупал объединяющую его знакомцев «крутую» тему — тему взаимоотношения и взаимодействия «гуманитарных» и «математических» культур. Клейн тут же преобразился и впился своими буравящими глазами в мое лицо и напряженно и тревожно стал следить за логикой моих «базаров», постоянно задавая все более усложняющиеся и углубляющиеся в тему вопросы.

Постепенно этот разговор мне все более стал напоминать бескомпромиссную беседу следователя и подследственного, в которой увлекающийся точными науками гуманитарий допрашивал увлекающегося гуманитарными науками представителя точных наук.

Тогда я уже был состоявшимся профессором и членом нескольких международных научных организаций и успел побывать в Штатах и в Китае. Это во многом сближало наши жизненные платформы и интересы.

Хитроумный Марк добился своего, и потому время от времени стал покидать нас по всяческим «неотложным» делам, и каждый раз возвращаясь, удовлетворенно потирал руки — дискуссия явно «набирала обороты». Я «завелся» и начал «колоться». «Дознаватель» Клейн потрошил мой мозг с мастерством несомненного инквизитора... Но тут произошло чудо — через час Клейн «завелся» и начал «колоться» сам, потрясая мой мозг неожиданными и блестящими сентенциями, подобно молниям, сверкающим в этом удивительном совместном «интеллектуальном торнадо» представителей двух дополняющих друг дру-

га «дознавательных» культур — «гуманитарной» и «математической».

Беседа угасла подобно затихающему смерчу к трем часам ночи. Впоследствии довольный Марк Ткачук сказал, что произошло нечто невероятное — строго отходящий ко сну в одиннадцать часов вечера, знаменитый своей железной дисциплиной Клейн «вышел из графика». А это означало, что не только на меня, но и на него наша дискуссия произвела мощное стимулирующее впечатление. А из этого следовало, что и он, и я были на правильном пути.

С тех пор я стал перечитывать до дыр все публикации Клейна в замечательном журнале «Stratum plus», который благодаря таким титанам, как Клейн, стал ведущим научным и культурным явлением на всем так называемом «постсоветском пространстве». И не только на нем.

Находясь на дипломатической службе в далеком Китае, где я упорно продолжал свои исследования в области культуры, истории и археологии этого дальневосточного гиганта, меня постоянно стимулировал и согревал мою душу этот замечательный во всех отношениях журнал, в котором постоянно появлялись публикации этого ставшего близким мне по жизненному настрою и взглядам человека.

Эта неожиданная встреча с Клейном вооружила меня редчайшим набором «ментальных отмычек», позволивших мне в дальнейшем проникать не только в текст и контекст, но и в сам психологический подтекст его произведений.

**Рефлексивно-дискурсивное
Зазеркалье:
некоторые особенности
методологии Клейна**

*Друг друга отражают зеркала,
Взаимно умножая отраженья.*

Георгий Иванов

Еще за несколько лет до этой памятной встречи с Львом Самуиловичем Клейном я увлекся математическими и содержательными аспектами рефлексивной психологии, заложенной в трудах блестящего ученого Владимира Лефевра и его выдающегося ученика Владимира Лепского.

Ко времени нашей встречи с Клейном я уже стал членом редколлегии и одним из авторов международного междисциплинарного журнала «Рефлексивные процессы и управление» и начал сравнительно быстро продвигаться

в исследованиях по рефлексивной феноменологии и методологии.

Суть этого современного подхода к методологии весьма широкого круга исследований заключается в следующем. Образно говоря, все люди в одной культуре и в разных культурах способны не только к взаимному отражению (рефлексии) отражений друг друга и самих себя, но и обладают способностью к перемещению на рефлексивные позиции друг друга, «вживаться» в переживания и мысли других людей. Однако я обратил особое внимание на то, что вся эта система «живых зеркал» имеет и более широкую коннотацию. И я пришел к выводу, что не только отражение (рефлексия), но и выражение (дискурс) обладают такими же свойствами системного «зеркального» взаимодействия, и поэтому склонен называть такой подход и основанную на нем методологию исследований «рефлексивно-дискурсивным» подходом.

Именно благодаря всей этой «отражательной-выразительной» информационной феноменологии нашего мира, мы становимся способными к проникновению во внутренние миры друг друга и свои собственные миры, а также в миры людей давно исчезнувших культур и цивилизаций.

Анализируя труды Клейна в журнале «Stratum plus», а ныне и его замечательную книгу «Трудно быть Клейном», я могу с полной ответственностью утверждать, что у Льва Самуиловича с самых молодых лет и по сей день получила развитие и достигла необычайных высот поразительная способность к восприятию и пользованию этим удивительным каналом познания — «рефлексивно-дискурсивной» феноменологией.

В одном из номеров журнала «Stratum plus» я написал в связи с этим следующее:

«В тексте великого гомеровского эпоса есть одно скучнейшее место, больше напоминающее содержание корабельного регистра, чем великое творение мировой литературы. Так было до тех пор, пока за эту странную инкорпорацию не взялся профессор Клейн, известный своей особой методичностью и суровой последовательностью мышления.

Но необычайное рефлексивно-дискурсивное дарование автора породило чудо: дискурс Гомера засверкал во всех красках высокой поэзии, невесть каким образом ожил и закружил сонм спорящих героев, комментаторов, исследователей и знатоков великого эпоса, включая поэта Мандельштама.

А ведь профессор Клейн производил всего лишь строгое дознание по факту наличия этого списка кораблей, а также по факту его невер-

ного толкования предшествующими дознавателями. Кстати, именно он первым, с его особым жизненным опытом подследственного диссидента, сравнил научное исследование с работой проницательного следователя, со следствием, т.е. с дознанием. Это лишний раз говорит о том, что проницательность исследователя во многом зависит от того, насколько охватывающей и чувствительной является система живых зеркал, реанимированная им.

Особенностью рефлексивно-дискурсивного подхода Клейна является редкое умение вопрошать материал и давно ушедших с исторической сцены персонажей. И под его суровым взором вопрошателя оживают факты и люди, возбуждается и восстанавливается из небытия целая сеть взаимно отражающихся персонажей и их дискурсов. И хотя каждый из них пытается навязать свою точку зрения, жесткая воля и цепкий ум автора твердо ведут процесс дознания к логическому концу. Затем результаты расследования оформляются и передаются на суд истории.

Могу сказать, что, по моим статистическим оценкам, Клейн является одним из чемпионов среди авторов журнала «Stratum plus» по интенсивности использования рефлексивно-дискурсивных лингвистических операторов в своих статьях».

Проницающая способность «дознателя» Клейна по ментальному внедрению во внутренние миры исследователей и целых научных школ с целью выявления у них истинных мотивов их деятельности и определения их «болевых точек», а также скрытых противоречий, на самом деле поразительна. И хотя сам Клейн явно любит увлекаться громоздкими классификациями и систематизациями, упорядочением и аксиоматизацией научных подходов и методологий, наиболее сильной стороной его исследований является именно их потрясающая глубина и интеллектуальное бесстрашие их автора при погружении в столь коварные и чреватые опасностями глубины человеческого менталитета и трясины нравственных оснований человеческого поведения и мышления.

Давид и Левиафан

Всякий ученый имеет право на ошибку, если он ошибается правильно.

Л.К.

Метафора (дочь аналогии) является могучим средством постижения реальности. Даже

математическую формулу, используемую в качестве математической модели какого-либо аспекта реальности, можно (и должно) воспринимать именно как математическую метафору, отражающую и выражающую на особом языке математики именно этот данный, плохо выразимый в других дискурсах аспект. А метафорой ее делает то, что одна и та же формула может с успехом использоваться в самых различных задачах, где она будет отражать и выражать совсем другие, самые различные сущности. Именно поэтому, взятая как универсальное явление человеческого дискурса, метафора (повторимся — дочь аналогии) обладает столь универсальной могучей силой постижения непостижимого, а также невероятным воздействием на сознание и подсознание человека.

С другой стороны, всегда надо понимать, что невероятное обилие фактов и фактиков, поступающих в наши головы путем многократных отражений и выражений из окружающего нас «королевства живых (и потому кривых) зеркал», требует внимательного и осторожного отношения. Ведь не случайно самый лучший способ схоронить истину есть и самый простой: завалить ее горой этих самых «фактов» и «фактиков», утопить ее голос в шумной многоголосице противоречивых и многочисленных источников информации. И тогда информация становится своим злейшим врагом — «информационным шумом».

Метаязык метафоры — это великий язык-посредник (на древнегреческом приставка «мета» часто используется в значении «между», «промежуточное», «переходное» и т.д.), который позволяет не только связывать между собой самые различные стороны человеческого опыта, но и вылавливать из этой противоречивой многоголосицы «информационного шума» столь безнадежно погребенные в нем лики истины. Почему это порой удается? Наверняка потому, что за явной ширмой Хаоса нашей жизни нет-нет да и проглядывают таинственные контуры некоего труднопостижимого Космоса, того, что древние греки отождествляли с неким божественным Порядком, дитятей непостижимого Логоса (отсюда христианское: «В начале было Слово»).

Именно поэтому без метафоры, особенно без мифологической метафоры, при попытке прочтения и расшифровки эпических произведений (а книгу «Трудно быть Клейном» иначе, как эпосом, не назовешь) никак не обойтись, хоть тресни. Важно угадать эту метафору (хотя их может быть и несколько, в зависимости от рассматриваемых аспектов), потому что, согласно гениальному физику и мыслителю

лю XX в. Ричарду Фейнману, «угадать» — это есть первый и важнейший шаг в любом «открытии» трудноуловимой истины.

Чтобы подчеркнуть и утвердить эту великую роль догадки в исследовании историй (общих и личных), блестящий мыслитель Юрий Лотман приводит знаменитую цитату из гениального Пушкина: «Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем». Потом все эти «угадки» и «догадки» можно оформить и верифицировать, т. е. «проверить на прочность» решающими фактами и фактиками. Но все эти решающие «фактики» и «факты» будут надежно погребены в океане «информационного шума», пока не будут извлечены из него могучей Догадкой, принявшей образ Метафоры, пусть и мифологической.

Именно поэтому при чтении этой насыщенной невероятным количеством источников и фактов Книги, наряду с такими креатурами древней и современной мифологии, как Судьба, Система, Эринии, Улисс etc., в моем сознании в качестве догадки с неизбежностью стали всплывать другие мифологические образы — Давид, Голиаф и Левиафан. Это были образы другой мифологии, но они почему-то начали властно оттеснять на задний план своих древнегреческих конкурентов. И эти могучие библейские персонажи с неизбежностью начали переводить мою линию мышления в другую, совершенно парадоксальную плоскость.

Я почувствовал, что у меня, наконец-то, появился путь к ответу на основной для меня вопрос: «Почему трудно быть Клейном?». Ибо меня в связи со всеми этими назойливыми библейскими метафорами поразила одна совершенно неожиданная догадка, а именно: корни многих трудностей нашего героя заключаются не только в многочисленных искушениях и попытках насилия над Клейном-Давидом со стороны различных «голиафов» ужасной Системы-Левиафана, которых он постоянно сокрушает невероятными усилиями воли и ума.

Корни многих трудностей реального человека и ученого по имени Лев Самуилович Клейн, смеем утверждать, заключаются в том, что он принадлежит по типу своего Божьего дара к великой традиции Аверроэса, Моше Маймонида и Баруха Спинозы, этих великих «давидов» мысли и духа, сокрушивших многочисленных «голиафов» этого многоликого Левиафана «системного» невежества, ненависти и жестокости своего времени.

Я не имею в виду исключительно этнический аспект вопроса, хотя свято верю, что все мы наследуем от наших далеких предков не только физические, но и ментальные фенотипы и стереотипы. Но клянусь Всевышним, я с полной ответственностью готов под вопли и вой всех черносотенцев «всех земных шаров» принять на себя «позорный» (в их недостойной звания человека человеконенавистнической «идеологии») титул «жидовствующего» молдаванина (по отцу) и русского (по матушке), чтобы быть достойным наследником и почитателем этой великой общечеловеческой традиции — от Сократа до Аверроэса, от Аристотеля до Маймонида, от Маймонида до Спинозы и от Давида до Клейна.

В своей замечательной книге «Трудно быть Клейном» наш эпический герой постоянно подчеркивает, что он — еврей по генам, русский по культуре, европеец по убеждениям и космополит по отечеству. Но эта честнейшая и бесстрашная попытка самоидентификации и самоопределения великого ученого и человека, его отчаянная попытка выйти за рамки унижающих и удушающих человеческое достоинство «системных» классификаций, навязываемых ему с молодых лет «совковым» (и не только) Левиафаном в стиле «провинциал — советский служащий — еврей», своим могучим «импульсом прорыва» превосходит пределы необходимого.

Вырываясь из коварных сетей Левиафана, могучий Давид, сам того не ведая, пытается оторваться от мира своих этнических предков, с которым он связан бесчисленными и неосознаваемыми им в полной мере нитями тысячелетней традиции. Все мы родом из Детства, и оно, согласно гениальному Фрейдю, живет в нас таинственными маниями и фобиями, чудесным влечением к образам прекрасного и неприятием грозных символов соблазна и насилия, самим нашим стилем жизни и нашими жизненными установками.

Моя жена родом из Витебска, того самого Витебска, откуда родом наш замечательный патриарх археологии и воистину великий ученый и провидец Лев Самуилович Клейн. В поисках следов их замечательного соотечественника Марка Шагала я исходил в свое время километры витебских улиц и улочек, от «Ратуши» до «Песков», встречался даже (в 70-х и 80-х годах) с древними и удивительными стариками-белорусами, хорошо помнившими отца Шагала и смутно помнящими его Самого. И эти впечатления дорогого стоили.

Именно поэтому, когда мне в руки попал этот поразительный и пронзительный документ человеческой памяти с чудным названи-

ем «Трудно быть Клейном», я почувствовал, как на меня, «помесь» молдаванина и русской, с ее страниц вдруг повеяло именно «шагаловским» духом этого прекрасного города, города Марка Шагала и Льва Клейна. Ибо Родину, как и Детство, также не выбирают, и ее могучий дух пребывает в настоящем человеке независимо от его приобретенных впоследствии взглядов и мнений, маний и фобий. И порой сторонний человек способен почувствовать и угадать этот неуловимый голос места и «корней мудрости» (Хун Инмин) другого человека лучше, нежели он сам.

Я так думаю, вернее, я так чувствую. И поэтому мне кажется, что великая загадка названия этой великой книги современности заключается в том, что она отражает и выражает вечную драму человеческой души, постоянно стремящейся к вершинам универсализма, при этом мучительно прорастая из глубин своих традиций, через сети невежества, насилия и соблазна, раскинутых многоликим и вечно гипостазирующим Левиафаном.

Перед тем как написать заключительные строки своей «встречной исповеди», я всю ночь перечитывал эту будоражащую мысль и совесть Книгу на предмет верификации своих обсессивных мифологических метафор, пытаясь избавиться от их цепких ментальных объятий. Но все больше убеждался в обратном: именно в этом и состояла коварная стратегема Левиафана — оторвать всепобеждающего Давида от своих корней.

И под утро я понял одно: именно в этом, самом коварном пункте своей обороны многоликий Левиафан потерпел сокрушительное поражение. Ему не удалось искоренить истинной сути нашего героя, который оказался связанным с универсальной традицией не одним, а многочисленными корнями общемировой культуры. Ибо они переплелись и укоренились в нем настолько мощно, что он на самом

деле достиг высшей стадии ментального бойца — стадии Непобедимого.

Но особенно меня убедили в этом именно те самые, еле слышимые вначале, обертоны какой-то глубинной печали и неутолимой тоски по Несбывшемуся. А источник этих щемящих обертонов я расслышал, оказывается, много лет тому назад, бродя по витебским улицам. Волшебным улицам Марка Шагала и Льва Клейна.

И я никогда и ни перед кем не отрекусь от этого чудесного откровения. Даже перед суровым взором самого автора этой во всех отношениях великой Книги.

Вместо эпилога

Закон всемирного тяготения родился всё-таки в голове Ньютона, а не в яблоке, которое с ней столкнулось.

Л. К.

Эта во всех отношениях поразительная и пронзительная книга «Трудно быть Клейном» на самом деле, при её постепенном и вдумчивом прочтении, обретает черты величественного эпоса, поскольку она в полной мере отражает и выражает основные ментальные и нравственные поиски автора, истинного и достойного сына (и, одновременно, пасынка) своей грандиозной эпохи и своей многострадальной Родины.

Истинно русский по своей высокой интеллектуальной и духовной культуре, истинный еврей по своим генетическим задаткам и этническим корням, истинный европеец и гражданин мира, великий Исследователь и Учитель Лев Самуилович Клейн, несомненно, является собой замечательную личность, в которой в уникальных мыслях и переживаниях заключена совесть и мудрость современной России.

Статья поступила в номер 5 января 2011 г.

Victor Borshevich (Kishinev, Moldova). Doctor habilitat of physical-mathematical sciences. Academician of International Informatizational Academy.

Victor Borșevici (Chișinău, Moldova). Doctor habilitat în științe fizico-matematice. Academicianul din Academia Internațională de Informatizare.

Боршевич Виктор Иванович (Кишинев, Молдова). Доктор физико-математических наук. Академик Международной Академии информатизации.